

Пользуясь отзывами Юлиана и Златоуста и рассказом о поведении антиохийцев во время процесса о низвержении императорских статуй, автор не пытается внести никаких оговорок, хотя Юлиан писал под влиянием несомненного раздражения против антиохийцев за их оппозицию его делу, а Златоуст, горячий проповедник, сгущал краски в порыве ораторского увлечения.

В очень небольшом разделе о церковной организации (стр. 119—123) содержатся краткие и мало определенные сведения о правах патриарха и более точные о положении и правах митрополитов, хотя и здесь мы ничего не находим о праве суда, о доходах митрополитов и поборах в их пользу. Разряды низшего духовенства только перечислены; по вопросу о неполном ряде функций хорепископов и периодевтов у автора нет никаких разъяснений.

Во второй части книги Девреесс добросовестно собрал достаточно обширный историко-географический материал, составил списки иерархов, дал полезный перечень христианских памятников и надписей с указанием, где имеются о них сведения.⁹ Однако он не дал никакого анализа отмеченного материала. Мы узнаем, например, где изданы надписи, но о содержании и исторической ценности их никаких указаний не встречаем. Обобщений и выводов нет, — обработка материала предоставляется другим.

Приложенные схематические карты провинций заимствованы у разных авторов (Honigmann, R. Sussaud, больше всего из *Publication of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria in 1904—1905*). Карты, числом 11, даны в разных масштабах и, к сожалению, не сведены в дополнительную общую карту, которая давала бы более полное представление о Сирийском востоке. В общем, материал второй части книги Девреесса является полезным справочником, которым воспользуются будущие исследователи.

Порочность методологии, пренебрежение к анализу социально-экономических факторов помешали автору вскрыть истинные причины ожесточенной борьбы между отдельными направлениями восточной церкви в Антиохийском патриархате.

Ф. М. Россейкин

LOPEZ, ROBERT SABATINO. SILK INDUSTRY IN THE BYZANTINE EMPIRE.

Speculum XX, 1 (1945), 1—42.

Статья Р. С. Лопес о производстве шелка в Византийской империи и шире и уже своего названия. Она уже названия, ибо ее хронологические рамки охватывают только IV—X вв., лишь изредка она затрагивает XII в. Судьбы поздневизантийской шелковой индустрии остаются вне поля зрения автора. Но статья Лопес и шире своего названия, ибо она затрагивает не только производство шелковых тканей и торговлю шелком, но трактует некоторые важные вопросы экономической истории византийского города в IV—X вв.

⁹ На стр. 161 указана важнейшая использованная им литература. Ни в этом месте, ни на других страницах мы не встречаем ни одной русской книги; не упомянуты работы Н. А. Медникова, Н. П. Кондакова, „Известия Русск. археол. института в Константинополе“

Лопес начинает с анализа государственных коллегий, *δημόσια βώματα*, которые, по его мнению, являются продолжением римских (стр. 4). От них отличались частные коллегии, которым было запрещено производить первосортные ткани. Частные коллегии были уничтожены при Юстиниане I, который установил низкие цены на шелк-сырец и ввел монополию шелкового производства (стр. 11). Однако после смерти Юстиниана, повидимому при Ираклии, государственные монополии слабеют; контроль за скупкой шелка-сырца передается из рук одного *Comes commerciorum* в руки многочисленных коммеркариев. Купцы вновь получают право скупать сырец от государства; даже в случае покупки на вольном рынке купец мог рассчитывать на безнаказанность (стр. 12—13).

Анализируя общественные отношения по „Книге епарха“, Лопес вслед за Андреади утверждает, что Византия отнюдь не была страной монополий и привилегий, что ограничение производства, которое мы находим в „Книге епарха“, не отличается от цеховых ограничений в Западной Европе и направлено на ослабление конкуренции между коллегиями (стр. 17—18). Любопытна отмечаемая Лопес роль архонтов в текстильном производстве; он даже склонен считать „Книгу епарха“ компромиссом между купечеством и архонтами — в ущерб императору (стр. 15). Лопес отмечает ту текучесть и подвижность византийского ремесла, которая простирается за монополиями и ограничениями в „Книге епарха“; он указывает, что там уже нет подлинного равенства коллегий и что коллегия метаксопратов (торговцев шелком) подчинила себе ряд других (стр. 18).

Во второй части своей работы Лопес характеризует византийскую торговлю — и в частности торговлю шелком. Он подчеркивает, что иностранные купцы были ограничены в праве покупать шелковые ткани; им, например, запрещалось покупать те первосортные ткани, которые производились в императорских мастерских (стр. 22—28). Подробно автор останавливается на торговых льготах, которые византийцы предоставляли арабам, болгарам и русским (стр. 29 и сл.), анализирует торговлю с Венецией; последняя, по его мнению, была до конца X в. торговым форпостом империи, организованным по византийскому образцу (стр. 37—38).

Вопрос о византийском ремесле и торговле подвергся в последнее время пересмотру в буржуазной науке в связи с той идеализацией Византийского государства, которая отчетливо ощущается в новых работах западноевропейских византинистов. В конце XIX в. Жюль Николь трактовал политику византийского правительства по отношению к ремеслу как губительный режим, и взгляд этот был поддержан Вальдингом, Корнеманном и Штёкле. Впервые эта точка зрения подверглась критике в 1912 г. в рецензии Эрнста Майера на книгу Штёкле,¹ но особенно резко выступил против нее Миквиц, который утверждал, что Николь смешивает строгую регламентацию с притеснением (*Bedrückung*); по мнению Миквица, нет большей регламентации, чем та, „какую добровольно принимают на себя из чисто эгоистических целей члены современных картелей“.²

Еще более идеализирует византийскую систему организации ремесла итальянский исследователь Дж. Марцемини.³

¹ Byzant. Ztschr. XXI (1912).

² G. Mickwitz. Die Kartellenfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens, Helsingfors, 1936, S. 207.

³ G. Marzellini. Il libro del prefetto. — Atti Reale d. Institute Veneto Sc. morale e letter. XCIV (1934—1935), p. 406.

В работе американского ученого Р. С. Лопес эта идеализация византийской системы организации ремесла выступает, пожалуй, еще более ярко. Лопес утверждает, что „не только базилиевс, но и весь народ прямо или косвенно извлекал прибыль и честь из монопольного производства драгоценных тканей, подобно тому как американцы извлекают прибыль из промышленных ресурсов США“ (стр. 2). Эти взгляды Лопес определены тем, что в связи с ростом империалистических монополий буржуазным историкам пришлось пересмотреть свое отношение к регламентации ремесла в средние века: то, что казалось Николу губительным, теперь превратилось в „прибыль и честь“. Если уже следовать сомнительному сравнению Р. С. Лопес, то будет очевидно, что как в Византии прибыль из шелковой монополии извлекали архонты и императорский двор, так точно и в США всю прибыль получает немногочисленная кучка империалистов-миллионеров. Это как раз и стремится скрыть Лопес.

Лопес, разумеется, не хочет видеть, сколь тяжелым было положение непосредственных производителей, ремесленников, производивших шелковые ткани,⁴ — наоборот, он всячески подчеркивает привилегированность их положения.

Идеализируя византийское ремесло, Лопес склонен придавать чрезмерное значение шелковой индустрии. „Контроль за производством дорогих тканей, — говорит Лопес, — был почти таким же могущественным оружием в руках византийских императоров, как обладание такими основными стратегическими материалами, как нефть, уголь и железо, у американского и британского правительств“ (I) (стр. 1). По его мнению, вся история болгаро-византийских отношений определялась желанием болгар получить дорогие ткани (стр. 32). При этом Лопес почти совсем не замечает той оживленной работоторговли, которую вели болгары с Византией. Он не жалеет красок, чтобы нарисовать богатство и роскошь Константинополя (стр. 22). Восторженно звучат его заключительные слова: „Константинополь предстает перед нами прежде всего как сияющий город чудес, весь наряженный в шелк, пурпур и золото“ (стр. 42).

Важнейшим аргументом для этого заключения для Лопес служит известие испанского путешественника Вениамина Тудельского, относящееся к XII в., т. е. к тому времени, когда шелковая монополия уже переживала острый кризис, ибо Лопес считает, что она сохранилась лишь до середины XI в. (стр. 3). При этом Лопес игнорирует сообщение Лиутпранда Кремонского, посетившего Константинополь лишь через несколько десятилетий после издания „Книги эпарха“, т. е. еще во время расцвета шелковой монополии Византии. В своем донесении Оттону I Лиутпранд оставил превосходное описание одной из торжественных церемоний в Константинополе. Вот что пишет Лиутпранд: „Огромная толпа купцов и простого народа, собранная для торжественной встречи и прославления Никифора, стояла стеной по сторонам дороги от дворца до Св. Софии, снабженная весьма простенькими щитишками (*clipeolis tenuibus satis*) и дешевыми копьями. Этот позор увеличивался еще и тем, что большая часть этой толпы явилась для его прославления босиком... Но и оптиматы его, которые вместе с ним проезжали мимо босой плебейской толпы, были одеты в огромные

⁴ См. об этом Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком — Виз. Врем., т. I (XXVI), 1947, стр. 195 сл.

туники, порванные от излишней ветхости (*nimia vetustate rimatis*)... не было ни одного, чья одежда была новой при его прадеде. Никто не был украшен ни золотом, ни драгоценными камнями, кроме самого Никифора". Разумеется, раздраженный неудачей своей миссии в Византию, Лиутпранд был склонен чрезмерно сгущать краски, и все же из этого описания не убраным в шелк и золото предстает перед нами Константинополь X в., но городом с преобладающим населением босяков и нищих, ночующих в портиках и галереях, укрываясь от холодных зимних ветров.⁵ Такую же картину рисует нам и житие Андрея Юродивого.

Жаль, что в своей работе Лопес не проследил судеб шелковой индустрии и после X в. Он мог бы тогда увидеть, что в XII в. шелковое производство передвигается из Константинополя на запад, на Балканы. „Тимарион“ называет центром византийского ткачества Беотию и Пелопоннес; Цец прославляет легкость фиванских тканей; Оттон Фрейзингенский говорит, что центрами текстильного производства были Коринф, Афины и Фивы; наконец, Вениамин Тудельский застал в Фивах большое число опытейших мастеров-серикариев.

В свете этого передвижения ремесла, а вслед за ним и торговли на запад становится понятнее и попытка перенести в Солунь центр торговли с болгарями.⁶ Это перенесение Лопес вслед за старыми исследователями приписывает дворцовой интриге. Ему кажется, что оно вызвало одобрение высших слоев, не желавших, чтобы „грязные варвары“ портили вид столицы (!) (стр. 32). Но если мы признаем, что это передвижение ремесла на запад действительно произошло в X—XII вв., то трудно будет согласиться с Лопес в том, что кризис византийского ремесла был определен только вражескими вторжениями (стр. 3). Я уже указал, что сам Лопес удачно прослеживает элементы назревающего кризиса в константинопольском ремесле X в.

Византийское текстильное производство можно проследить и за пределами XII в. О его жалком состоянии в первой половине XV в. очень убедительно рассказывает Плифон. Теперь уже не могла идти речь ни о какой монополии: Плифон мечтает только о том, как бы отгородиться таможенным барьером от итальянских тканей, которые душат греческое ремесло.

В заключение отмечу неточность автора. Лопес утверждает, что начальные стадии в текстильном производстве выполняли женщины, а заключительные процессы — мужчины (стр. 6). Однако из „Тимариона“ мы узнаем, что были ткани, изготавливаемые мужчинами, и ткани, изготавливаемые женщинами.

Работа Р. С. Лопес содержит значительное количество удачно подобранных фактов, которые иногда проливают свет на некоторые частные вопросы. Однако характерная для буржуазных работ эпохи империализма тенденция идеализировать средневековую регламентацию ремесла не позволила автору рецензируемой статьи разобраться в своеобразии византийского шелкового производства, на которое он смотрит глазами американского монополиста.

А. П. Каждан

⁵ Продолжатель Феофана, стр. 417.

⁶ Ср. Bratianu. La commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. — Сб. в честь на проф. Ников, София, 1939.